

Елизавета Клиорина

Родилась в Ленинграде в 1976 году. Окончила факультет психологии СПбГУ. Начала писать стихи в 2014 году, дебютировала осенью 2015 года на Волошинском фестивале. Стихи опубликованы в сетевом альманахе «Артикль», в журналах «Зинзивер», «ДК», «Эмигрантская лира», на порталах «Читальный зал» и «Мегалит». Бронзовый лауреат литературной премии «Антоновка 40+» (сезон 2019—2020), лауреат премии «Кубок в кубке» издательства «Стихи» (2020). Живет в Санкт-Петербурге.

Мир сократился до предела,
До круга лампы золотой,
До чудотворного придела
И узкой лестницы крутой.
Темно за дверью, окна низки,
Тиха молитвенная речь.
В часовне подают записки,
От смерти просят уберечь.

Знаешь, самый лучший сулугуни
Продавала тётка на базаре.
Надрезала корочку тугую
И смотрела черными глазами.
Наливала красный саперави,
Выставляла молоко овечье.
Пахли чесноком сухие травы,
И река бежала человечья.

Самую красивую черешню
Продавали ночью у вокзала.
Круглые бока блестели нежно.
Пальма в небе лапами махала.
Газировка сладкая шипела,
Через край бежала, негодуя.
И свисала бусами чурчхела,
И крутили фильм под старой твоей.

Нехитрый быт, неважные дела.
Какой бы долгой старость ни была,
Останутся немодные прикиды.
И будет внучка вещи разбирать,
В притихшем доме двери запирать
И позабудет старые обиды.
Где голос, где певучие слова?
Немы пластинки, не скрипит сова,
И за окном разверст бачок помойный.
Где были разговоры да звонки,
Стоят на кухне молча ходунки
Да радио бормочет по покойной.

Берёзы серое пятно
И дальний лес до самой кромки,
Чуть ночь, заполнили окно
В той комнате, где спят девчонки.
Белела занавески вязь,
Расцвеченная комарами.
Мы вылезали, не боясь,
Повиснув на оконной раме.
За огородом спал овраг,
Мостки, река, в лесу плотина.
За дальним лесом — Ленинград,
И поезда в ночи катили.
И было слышно в тишине,
Как товарняк гремит на стрелке,
И в доме звякают тарелки,
И бьются крылья по стене.

Бессонница

Тени ходят по дворам,
Залезают на ковёр.
Кто нам пишет в «Телеграм»?
Кто прислал «ВКонтакте» вздор?

Чья фигура на балконе
Изо рта пускает дым?
Почему на небосклоне
Облака тудым-судым?

Что пророчил Маринетти,
Что писал Альбер Камю?
Почему на этом свете
Невозможно одному?

Вот образец бесхитростного чуда:
Букет ромашек в вазе на столе.
В горошек платье, на губе простуда —
Я за столом, и мне всего шесть лет.
А воскресенье чистым полом пахнет,
И спрыгивают блики с хрусталя.
Альбом раскрыт, и объектив распахнут,
И за окном — большие тополя.

Письмо

Не поделиться болью, судорогой,
Рассказом, фильмами, сонетами.
Не поделиться спешкой, сутолокой,
Не поделиться зимним светом.

Ни тем, что дни совсем короткие —
И всё становятся короче,
Что одинока, как сиротка, я
Без пожеланий доброй ночи.

Не сообщить, что дома холодно,
И что вода опять не льётся,
Что невозможно знать доподлинно,
Как наше слово отзовется.

Ни о ростке на подоконнике,
Ни о варенье померанцевом
Не перемолвишься с покойником,
Не побеседуешь с упрямцем.

Ноябрь

Открыть за полдень шторы, видеть
На небе слабый серый след.
Экран марасть, в постели сидя,
И не умыт, и не одет.

На кресле брошенные вещи,
Стакан воды, увядший лук.
Тенёта на окне трепещут,
Поскольку дует из фрамуг.

Напрасно утекает время,
И пыль клубится между книг.
Ты у себя заметил тремор,
А почему, ещё не вник...

Меж листьев и померзлых яблок
Закапал дождь, стекло кропя,
И только слышно, как по капле
Уходят силы из тебя.

Сага о диване

Там, где деревья выше дома
И в комнатушках места нет,
У бывшего аэродрома
Произвели меня на свет.

Снег таял, дождик барабанил,
Лил вдоль заржавленных перил.
У сослуживцев папа занял,
А для чего, не говорил.

Мой дом имел двойные рамы
И невысокий потолок,
И скоро стал тюрьмой для мамы
И окончанием тревог.

Медвежьи ушки на серванте,
На полках Гашек и Дюма:
Где сел на антидепрессанты,
Там, верно, и сойдешь с ума.

Хранить начнёшь с цветами чашки
И мучить младшую сестру.
Я родилась в пятиэтажке
И в ней, наверное, умру.

С дивана старого отчалю
Под утро в полной темноте.
С того же, где меня зачали,
и где любили, но не те.

Папе

Мы говорили сотню раз
Про кошек и кино,
Про упражнения для глаз
И вредно ли вино.

Ты мне звонил и каждый день
Докладывал прогноз,
И говорил: «Носки надень».
Я отвечала в нос.

Ты спрашивал меня, где я,
И с кем сегодня пью.
Я объясняла, что друзья
Заменят мне семью.

Ты обвинял работы вал
И транспортный бардак,
Но лишь о том, что тосковал,
Не мог сказать никак.

Наш дом настолько мал, что, руку протяни,
И, с места не сходя, ты приоткроешь шторы.
Наш дом настолько тих, что шорох простыни
Разносится звучней, чем наши разговоры.

Он невозможно мал, и трудно не узнать,
О чём ты говоришь с самим собой и дале,
И хрупок до того, что продолжение сна
Гудит под потолком, в подъезде и в квартале.

Здесь за окном сирень, огромные кусты,
И свечи тополей расставлены нелепо.
А мы сидим вдвоём в изножии тахты,
Сидим, чего-то ждём и щуримся на небо.